

Пролог в двух частях

Часть первая (очень маленькая) Где-то на Земле

— Лирка! Вставай, засоня, в универ опоздаем! — донесся до меня голос брата. — Пока ты копаешься, я все гренки съем!

— Р-р-ры! Пользуешься тем, что я сова, жаворонок шизанутый! — вырвался у меня возглас досады.

— Ням-ням! — глумливо и нарочито громко прочавкали в ответ.

Пришлось выкручиваться из уютного одеяла и подниматься. Опоздать на лекционную пару не трагедия, Борисовна все равно переключку в конце второго часа устраивает, чтоб никто под шумок не слинял, на первом отметившись. Но гренки! Гренки с кофе на завтрак — это всяко лучше, чем кофе без гренков. А Леонид, Ленька, или что проще и привычнее — Лён — форменный проглот! Все, сколько бы мать ни нажарила, способен умять на завтрак. Вот вечером он вялый да сонный, и тогда уже я могу со сковороды у него под носом самую поджаристую котлету утянуть раньше, чем он вилку поднимет. Но утро — не мой час.

Ленька не успел слопать все гренки. Я плюхнулась на табуретку и отправила в рот первый кусок. Уже остыла, но все равно вкусно! Да, то что надо!

Люблю сладкое и мясное, но по отдельности. Котлету, которую младший братец Данька полил сгущенкой, съесть не смогла.

Лён хихикнул, глядя на меня.

— Чефо? — настала моя очередь чавкать.

Насмешник кивнул в сторону небольшого настенного зеркала. Там отражался черныбыльский одуванчик.

Ну да, волосы у меня темно-темно-коричневые, цвета горького шоколада, и вьются вроде как мягкими волнами. Вроде как! Потому что утром, до встречи с расческой, они умудряются начисто перепутаться и превратить голову в лохматый шарик.

— Кончай стебаться, лучше кофе сестре налей! — попросила я, и сжалившийся брат бухнул передо мной бадейку с волшебным напитком. Черный, сладкий, горячий. Пять-семь глотков, и я проснусь! Радоваться миру и любить его не начну, но ненавидеть всяко перестану, или стану поменьше, процентов эдак на пятьдесят.

— Спаситель, — поблагодарила я, после шестого глоточка и второй гренки.

— С тебя матеша вечером, нам опять десять страниц прорешать Шверда задала, — пояснил причину своей доброты и щедрости меркантильный братец.

— Ладно, тогда с тебя микроскопные зарисовки к лабораторке, нам на дом доделать дали, — стала я торговаться.

Леньке намалевать несколько картинок — раз плюнуть, примерно как мне задачки по математике перещелкать, которые им Швердова задает. Я даже люблю это дело, но признаваться нипочем не стану, а то братец сядет на шею и свесит ноги.

Кофе и гренки кончились быстро. Сполоснув чашку, я отправилась пытаться себя — расчесывать-

ся. Каких только щеток уже ни перепробовала, ничего толком не помогало. Распутыватель, конечно, лучше любой другой щетки, но все равно приводить в порядок шевелюру долго, мучительно и больно.

Стричься пробовала, но волосы отрастают очень быстро и, словно в отместку, после этого путаются в три раза больше. Нальсо я обкорнать себя так и не решилась. Родители, форменные маньяки по части «правильно-положено», точно бы скандал закатили, потому пытки прекратила и остановилась на длине по лопатки. Расчесанные волосы если и путались, то делали это незаметно, целостность прически не нарушали, на глаза не лезли и во всяких муссах, лаках и прочих химических подпорках не нуждались.

Белокрысому моему братцу приходилось и того хуже. У него даже при минимальной длине вихры такие мягкие и легколетучие, что вечно везде лезут. А отращивать нельзя, потому как тоже не прямые, вьющиеся. А Лён не девка, косички и бантики не прокатят.

На одежду ушел еще пяток минут. Джинсы, футболка, ветровка узлом на бедра, слипоны на ноги, сумка-шоппер с тетрадками на плечо — и вперед! Ленька, собравшийся раньше, хлопнул дверью до щелчка замка, и мы помчались по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, наперегонки, как всегда. Не из соперничества, просто размяться хотелось.

Ленька, балбес, взял и сиганул сразу через весь лестничный пролет. Я так тоже могу, но один раз плохо стопу поставила, пришлось пару дней похромать, с тех пор прыгать лихо не рискую. То ли у меня кости тяжелее, то ли ловкость хуже прокачана, чем у брата.

На лестницу у меня ушло два прыжка, а потом мы резко затормозили, потому что дверь на площадку третьего этажа распахнулась и раздался истошный крик...

Часть 2 (побольше)

Киградес: два трупа и одна проблема

Ивер с задумчивой досадой созерцал трупы в кабинете князя Гвенда. Больше всего хранитель Киградеса злился на самого себя. Как, как его, просчитывающего каждое свое деяние, угораздило так вляпаться? Триста лет назад ответил согласием кузену, когда речь зашла о назначении на номинальную почетную должность, прибавить к званию управляющего Нейссара, числящегося владением князя, титул хранителя. Поманили неограниченным доступом в архивы правящего дома. А теперь расхлебывай! Несвоевременно, неприятно, обременяюще — эти три слова в равной степени объясняли состояние Ивера.

Теперь уже не номинальный, а истинный хранитель скрипнул зубами и подавил низменное желание пнуть тело князя, раскинувшегося в кресле, а потом подойти и врезать такому же беспечно валяющемуся на соседнем предмете мебели наследнику Дварду.

Но что толку? Пинай бездыханные тела, не пинай, а слово дано и клятву надлежит исполнять. Сердитый, как тысяча мантикор, Ивер прицелкнул длинными ногтями, обращаясь к привычной, словно дыхание, силе.

Трупы дернулись марионетками на ниточках, поднялись из кресел почти синхронно и, повинувшись управляющей воле, поплелись в семейный склеп. Там давно были готовы лежа — открытые саркофаги для каждого члена рода. А куда еще прикажете девать тела? Не оставлять же их в кабинете, как нравоучительную инсталляцию грядущим наследникам?

При мысли о наследниках незримый обруч на голове у Ивера болезненно сжался. Кажется, нака-

тивала редкая и мучительная гостья — мигрень. Ни заклинания, ни рунные артефакты, ни лекарства от этой пакости не спасали, только прабабкины заговоры, да и то они лишь ослабляли, а не прогоняли боль.

Усевшись в освобожденное от тела князя кресло, Ивер снова прищелкнул ногтями. По центру комнаты возник вполне узнаваемый призрачный силуэт. Точная его материальная копия только что ушкандыбала в склеп.

— Ради этого именно ты и назначен был хранителем, Ивер! — с ходу, нарушая все каноны вопрошаний вызванного духа и правила некромантии, нагло объявил покойный князь Гвенд.

— Мне искать виновных, ригаль-эш? — неопределенно повел рукой хранитель, имея в виду удаленных из кабинета мертвецов.

— Не существенно, — поморщился Гвенд. — Сыграли с Двардом в старую игру. Бокалы с ядом я поменял, но противоядие оказалось к старой модификации «последнего глотка». Потому игра оказалась последней. Глупость... Тебе надлежит искать следующего князя, хранящего и отверзающего врата, прокладывающего пути. Проверь для начала артефакт Архет. Остался ли он связан с нашей кровью, пребывает ли по-прежнему в замке Киградес?

— Ты не знаешь? — недоверчиво выгнул бровь Ивер.

Слишком непохоже было такое на князя, всегда старавшегося владеть максимумом информации и быть хозяином положения.

— Нет, отсюда не зрю. Планировал пожить еще тысячу-другую лет и лишь потом искать наследника. Я не ведаю об иных своих потомках, кроме Дварда. Он кулон принять бы не смог. Архет ясно дал понять, — поморщился покойный князь, убитый в большей степени не рукой сына, но собственной самоуверенностью и жаждой острых ощущений. —

Если медальон все еще в замке, то достань розу крови.

— Хм, — покивал хранитель, теперь понимая, что означали игры Гвенда с наследником.

Это был лишь спектакль на публику. Преемника у князя не имелось. И не потому, что Двард был глупцом, недостойным бремени правителя. Амбициозный, безжалостный, властолюбивый, но не глупый. Виновник был лишь один — артефакт Архет, древнейшая реликвия. Она наделяла князя Киградеса способностью связывать владения с иными мирами через врата-порталы, создавать дороги и позволять всем желающим совершать путешествия. Или не наделяла. В чем была причина того, что артефакт отказывался подчиняться официальному преемнику князя? О том написано было немало трудов философами и знатоками магии, выдвинуто сотни гипотез, но истины не ведал никто.

Случалось, исторические хроники Киградеса о том свидетельствовали, кулон не мог избрать носителя в правящем княжеском доме и исчезал, чтобы найтись в руках иного рода. Но со смертью избранника всегда возвращался к династии князей Киградеса. Или, бывало, Архет вовсе пропадал, и тогда порталы и пути закрывались на десятилетия или даже на века. Рушились состояния, судьбы, связи, стагнация убивала мир, и лишь новое явление артефакта запускало процесс обновления. Зато наличие реликвии служило нерушимым гарантом преданности княжескому дому. Вот только Двард, рассчитывающий получить артефакт по наследству, жестоко ошибался. И вовремя не образумивший потомка Гвенд тоже.

Оборвав тягостные рассуждения, Ивер решительно встал и последовал в тронный зал. Вздох облегчения сорвался с губ некроманта, и призыв

вторил ему. Кулон — крупный радужный камень на серебряной тонкой цепочке был на месте. Он не покоился на подушке трона, а раскачивался бесконечным маятником, зацепившись за спинку. Туда-сюда, туда-сюда, без всякого стороннего воздействия и ветра. И туманные спирали в недрах камня, казалось, свивались и развивались вновь, складываясь новым причудливым узором.

Наличие артефакта прямо свидетельствовало, что наследник у князя Киградеса все же имеется, пусть и неведомый самому ныне покойному ригаль-эш. Дело осталось за малым — найти, вручить кулон и посадить на трон.

— Роза крови в сокровищнице, — напомнил Гвенд хранителю княжества. — Достань ее и вызови кого-нибудь из охотников. Лучше Чейра.

— Не знал, что он самый лучший, — слегка удивился Ивер, отправляясь в замковую сокровищницу. Кулон он, разумеется, оставил висеть на спинке трона. Если хочешь жить — таких реликвий лучше не касаться не то что голыми руками, даже артефактными перчатками с набором знаков высшей защиты, исполненных грандмагистром.

— Не высчитывал. Они все хороши, но этот только до девиц охотник, на парней даже не взглянет, — пояснил свою циничную мысль призрак.

Хранитель, давно уже не вожделевший страстно ничего, кроме знаний, спустился на пару этажей ниже. Он вошел в коридор, доступ в который имел лишь князь или, в отсутствие ригаль-эш, официально посвященный хранитель. Поеживаясь от давления охранных сетей, Ивер распахнул не запертую на зримые засовы дверь и вошел в первую из анфилады залу, где тысячи лет копились сокровища княжеского рода. Этих бесценных украшений, артефактов, оружия не касались ничьи иные руки, кроме дланей полноправного владыки Киградеса.

За порядком, как и везде в замке, следила магия — призрачные служители из иных планов бытия, призванные еще далеким прапрапрадедом князя, заботились о сохранности сокровищ. Паранойя, возведенная в абсолют, не позволяла князьям постоянно держать подле себя слуг из плоти и крови. У живых куда больше слабостей, чем у мертвых, а значит, на них можно надавить, заставить, искушать и склонить к измене. Так, во всяком случае, полагали в роду параноика Гвенда.

В родовой замок не было хода тем, кто не принадлежал к семье. Для встреч, балов, приемов и визитов имелся замок Нейссар, связанный с родовым переходом-порталом, открывающимся лишь самому князю и его наследнику.

В сокровищнице, на высоком постаменте из цельного куска янтаря, под прозрачным колпаком из застывшей воды стояло искомое. Оно переливалось всеми оттенками красного, от нежного розового до яростного багрянца, и выглядело как цветок розы. Но цветком не являлось. Зафиксированная во времени и пространстве живая кровь Гвенда ригаль-эш Киградеса, сохраненная впрок.

Ивер забрал розу крови. Его рука легко прошла сквозь преграду. Придерживая «концентрат наследия» за кроваво-красный черенок с длинными и острыми шипами, хранитель вышел из сокровищницы живым и с трофеем. Не будь на то воли и разрешения покойного князя, сам бы Ивер стал одним из когорты призрачных слуг, невзирая на мощный дар некроманта.

В тронном зале хранитель поднес розу крови к артефакту. Он подержал ее рядом с Архетом положенный срок, чтобы «ароматы» смешались в нужную нить поиска, достаточную для начала охоты.

Более не тратя времени на пребывание в княжеском замке, Ивер перешел в Нейссар и невольно

вздыхнул с облегчением. Без близости живого ригаль-эш стены замка Киградеса, выживая чужака, давили на находящихся в его стенах бетонными плитами с вмурованными шипами.

Книга Вызова находилась в рабочем кабинете Ивера и являлась дубликатом книги ригаль-эш Киградеса. Она лежала на пюпитре слева от стола. Ивер раскрыл артефакт и, обмакнув перо в особые чернила, написал имя призываемого.

Возможно, Чейр и не был самым лучшим из охотников, но одним из лучших он, без сомнения, был. И являться на зов князя своевременно был обязан. Клятва клана, принесенная ригаль-эш Киградеса, не давала простора для маневра.

Впрочем, склонности к позерству принадлежность к охотникам не исключала. Ивер только начал просматривать кое-какие документы, на которые ему указал призрак Гвенда, когда стук в дверь не снаружи, а изнутри возвестил о присутствии постороннего.

Хранитель оторвался от бумаг. В ближайшем к столу кресле восседал странный альбинос. Совершенно белые волосы, стянутые в высокий хвост, глаза с радужкой цвета очень темной вишни, но черные ресницы и дуги бровей. Серебряная нить растительного татуажа по контуру лица, глумливая улыбочка на алых губах. Черные одежды и белая пена кружева роскошной рубашки.

— Чейр, — не столько поздоровался, сколько констатировал Ивер.

— Хранитель, — столь же «радостно» приветствовал его охотник. — Неужто Двард признан негодным и на тебя возложили поиск нового наследника князя? Тяжко твое бремя. Мои соболезнования. Но лишь устные. Я не древний пергамент, не свеженький зомби и не тысячелетний лич, чтоб тебя утешить и взволновать, да и ты не сладкая булочка-красотка.

— Воистину, пергаментом ты бы мне понравится больше, да и насчет зомби я бы подумал, — хмыкнул Ивер. — Но сейчас нужен как охотник. Облегчи мое бремя, найди и приведи наследника. Оплата по контракту на поиск и премия по успешному итогу.

Хранитель не стал ходить вокруг да около и протянул Чейру розу крови.

— Даже так? Срочно? — цокнул языком тот, не став вдаваться в подробности об участии Дварда.

Если Хранитель по воле князя или в обход оной дает поручение разыскать наследника, то он в своем праве. На нем клятвы и долг, не всегда сочетаемые с обычным служением правителю Киградеса. Эти клятвы могут идти рука об руку, параллельно или даже поперек основного служения ригаль-эш Киградеса, но неизменно лишь во благо мира.

Втянув тонкими ноздрями аромат крови, Чейр заправил розу за ухо и перетек из небрежного сидячего положения почти в бойцовскую стойку. Охотник готовился встать на след. Миг, и его не стало в кабинете. След повел меж сфер миров в тот единственный, где находился наследник.

— Довольны, мой князь? — уточнил у призрака Ивер, едва раздражающий своим самодовольством Чейр убрался из зоны видимости.

— Поводов для радости нет, и я уже не твой князь. Все, что нужно, ты от меня узнал, отпусти теперь, хранитель, пора, — тот, кто еще несколько дней назад был ригаль-эш Киградеса, лишь качнул головой. Более никак чувств не выказал. Да и не владели они больше князем с прежней яркостью, осталась лишь бледная тень, скорее воспоминание о прежних переживаниях и долге.

— Ты не хочешь дожидаться явления наследника?

— Нет. Чейр приведет его, а остальное — твое бремя. Отпусти меня, пора, призракам ушедших, не назначенным к службе, не место близ живых.

— Быть посему, — согласился Ивер и прищелкнул ногтями с кардинально черным маникюром, развеивая чары призыва.

Призрак Гвенда истаял. И Ивер был готов поклясться, что в последний миг на грани между уходящим и грядущим умиротворенный лик князя исказило искреннее изумление с толикой чистого злорадства.

Глава 1

СКОРАЯ ПОДЪЕЗДНАЯ ПОМОЩЬ

Из распахнутой на площадку двери до нас с Лёном ударной волной донесся вопль:

— Кто-нибудь, помогите! Мама!

Сашка! Это орала Сашка Попкова. Наша соседка-пятиклассница с третьего этажа.

— Чего стряслось? — первым рядом с истерящей девчонкой оказался Лён и тряхнул ее за плечи, пытаясь привести в чувство.

— Мамка руку расхватила, кровь никак не унимается, и перекись кончилась.

— Лирка, давай, это по твоей части, — живо отреагировал братец.

— Я-то «давай», а ты мухой за губкой гемостатической, — скомандовала и я, до конца не веря в свои силы, и ухватила паникующую Сашу за локоть: — Веди куда надо. Будем первую помощь оказывать!

Дрожащая как осиновый лист девчонка — крови, что ли, боится или за маму перепугалась? — привела меня на кухню, где дела шли скверно. Все вокруг на обычно чистенькой кухоньке было перевернуто вверх дном и заляпано кровью. Особо нож-тесак, тушка сырой курицы и пара пустых бутыльков